

Федорова А.Н., кандидат юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: Преступление; лихое дело; Судебник 1497 года; Судебник 1550 года; Соборное Уложение 1649 года.

Аннотация: Статья посвящена изменению взглядов на понятие преступления в период XV–XVII вв. Автор анализирует содержание основных памятников права указанного периода, а также различных грамот и договоров.

Качественное изменение древнерусского уголовного права связывается главным образом с Судебником 1497 года, который по-иному трактовал понятие преступления. В Судебнике 1497 года под преступлением понимается прежде всего посягательство на господствующий феодальный правопорядок, за которое преследует не потерпевший, а государство.

Частноправовой взгляд на преступление, характерный для древнерусского государства отходит на второй план. Преступление уже не посягает на интересы отдельного лица, оно затрагивает наряду с потерпевшим и обидчиком еще и интересы общества и государства. Совершая преступление, «лицо тем самым противопоставляло себя обществу и господствующим в нем правилам общежития, нарушало упорядоченность системы общественных отношений» [1:10]. Об этом свидетельствует статья 11 Судебника 1497 года, в соответствии с которой: «А поймают татя выдругые с татьбою, ино его казнити смертноу казнию, а исцево заплатити изь его статка, а досталь его статка судье. А не будет у того татя статка с ысцеву гибель, ино его исцу в гибели не выдати, казнити его смертноу казнию» [2:55]. Данная норма предусматривает ответственность за повторно совершенную кражу, рецидив, мерами которой выступает смертная казнь. Отсутствие возможности выдачи виновного истцу для возмещения убытков, свидетельствует о приоритете интересов государства перед интересами частного лица.

Впервые отказ от частногоправового взгляда на правонарушение и ответственность за него прослеживается по нормам статьи 8 Судебника 1497 года, в соответствии с которой виновный, признанный ведомым лихим, при отсутствии у него имущества не мог быть передан истцу для отработки долга и подлежал смертной казни, что было следствием усиления борьбы с феодально-зависимым населением. М.Ф. Владимирский-Буданов уточняет, что здесь в первый раз требования истца уступают требованиям уголовного закона [3:85]. Приоритет интересов государства также прослеживается и в нормах статьи 11, в соответствии с которой при совершении повторной кражи и отсутствии у виновного имущества он не выдается истцу для возмещения убытков, а подвергается смертной казни. Однако представляется, что это не было одновременным отказом от частногоправового взгляда при установлении мер ответственности за совершенные правонарушения.

Не отрицая произошедшего перехода можно уточнить некоторые подходы законодателя к применению наказания. Так, анализ памятников права показывает нам, что частногоправовой взгляд на преступление имел место и в эпоху Судебника 1497 года. Нормами статьи 10 Судебника 1497 года установлено: «...А не будет у того татя статка, чем исцево заплатить, ино его бив кнутиемь, да исцу его выдать вь его гибели головою на продажу, а судье не имати ничего на нем» [2:55]. Анализ указанной нормы, помимо битья вора кнутом, предусматривает возможность отдать вора, у которого нет имущества для удовлетворения требований потерпевшего, для отработки причиненного вреда потерпевшему, и в данном случае «судье не имати ничего на нем». Простая кража, видимо в силу того, что имела меньший характер общественной вредности, позволяла еще соблюдать интересы частных лиц. Приоритет интересов потерпевшего в данном случае позволяет утверждать именно о частногоправовом подходе к применению наказания за совершенные правонарушения.

Уровень развития правовой мысли позволяет сделать вывод о том, что существуют деяния, хоть и не нарушающие интересы отдельных частных лиц, не наносящие вред их жизни и здоровью, имущественного ущерба или нравственных страданий, но, тем не менее, приносящие вред обществу и государству, вследствие чего они должны быть ограничены и устранены под страхом наказания. Соответственно, под преступлением стали пониматься всякие действия, которые так или иначе угрожали государству или господствующему классу в целом и поэтому запрещались законом. Это позволяет сделать вывод о том, что уровень правового сознания достиг того, что позволил выделить один из важнейших признаков преступления – общественную опасность, поскольку «преступление наносит урон всему социальному и правовому укладу» [1:10].

А.А. Рожнов отмечает, что постепенно складывалось воззрение на преступление как на формально запрещенное деяние, то есть поведение, выходящее за рамки установленных государством или церковью предписаний, «преступление» через те или иные повеления или запреты, игнорирование воли государя.

Однако взгляд на преступление как на действие, противоречащее конкретным нормам, был еще слабо выражен по сравнению с его «материальной» оценкой как вредоносного, несущего в себе зло поступка [1:11].

Указанный период времени, характеризовавшийся большим влиянием церкви на общественные отношения, позволяет отметить еще одну грань в определении понятия преступления, носящую религиозный оттенок. Преступление представляло собой грех, и преступник одновременно рассматривался и как грешник, «о своей душе нерадящий злоторный человек» [4:88].

Указанное обстоятельство подтверждается посланием митрополита Фотия. Оценивая как убийство лишение жизни противника на поле, он в своем послании новгородскому духовенству говорил о том, чтобы священники не причащали идущих на поле и не хоронили убитых [5:68].

Усиление закрепощения вызвало обострение борьбы феодально-зависимого и закрепощаемого населения. Выступления против господствующего класса приняли массовый характер. В связи с этим наряду с определенными деяниями, признаваемыми преступными, Судебник 1497 года вводит понятие «лихого дела» и «ведомых лихих людей» [6:41]. Термин «лихое дело», используемый в Судебнике 1497 года заменил термин «обида» которым ранее обозначалось правонарушение. Соответственно, смысл преступления стал более определенным и открытым. «Лихое дело», как категория, обозначающая преступление, встречается в Судебнике 1497 года в статьях 8 и 39 [2:55,59].

Первое упоминание о «ином каком лихом деле» встречается в статье 8 Судебника 1497 года. Ею предусмотрены меры ответственности за «татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело». Итак, «лихое дело» – это преступление по Судебнику 1497 года.

Упоминание об «ином каком лихом деле» показывает, что существуют и иные противоправные деяния перечень которых не является исчерпывающим. Не указано в этой статье критериев, по которым можно определить, относится ли то или иное дело к числу лихих или нет. Получается, что под это понятие господствующий класс мог подвести неограниченную категорию дел.

В литературе отмечается, что новый состав давал господствующему классу неограниченные возможности. В борьбе со своими противниками под это понятие теперь можно было подвести любое деяние, которое приносило вред всему господствующему классу в целом, нарушая его интересы или посягая на установленный в государстве порядок [5:68].

Судебник 1497 года не единственный памятник права, где есть упоминание о «лихих делах». Понятие «иногo лихого дела» также упоминается в Грамоте от 28 февраля 1453 года, где говорится о совершении в митрополичьих селах душегубств, татб и иных лихих дел [7:37].

Обозначая неограниченный круг деяний как «иное какое лихое дело», Судебник 1497 года в качестве преступника вводит понятие «ведомого лихого человека». Ведомый лихой человек – это преступник по Судебнику 1497 года.

Лихим человеком мог быть признан любой, хотя бы и не совершивший никакого конкретного деяния, – измены, поджога, подмета, но сочувствовавший требованиям народа, поддерживавший их и в силу этого являющийся лицом, опасным для господствующего класса [5:68-69]. Е.И. Колычева определяет лихого человека как рецидивиста [8:225]. Данное предположение не находит подтверждения в памятниках права, поскольку в Судебнике 1497 года существуют самостоятельные статьи о рецидиве и совершающих данные правонарушения лицах. Лихой человек – это преступник, термин производный от термина лихое дело – преступление.

Упоминание о «лихих людях» содержится и в духовной грамоте Семена Ивановича [9:37-38].

Встречаются точки зрения в соответствии с которыми любой совершивший умышленное деяние является ведомым лихим [10:383-384]. Тем не менее в исследовательской литературе особо подчеркивается, что неверно относить человека, совершившего деяние умышленно к числу ведомых лихих людей, поскольку первоначально, когда понятия случайного и неосторожного деяния еще не были выделены, виновный действовал умышленно. Но это еще не означало, что он был лихим человеком, да еще и ведомым [2:37-38].

Для признания кого-либо «ведомым лихим человеком» вовсе не требовалось, чтобы в его действиях был состав преступления, то есть таким путем обеспечивалась возможность причисления к «ведомым лихим» всякого, выступающего против господствующего класса, и, соответственно, существовала возможность расправиться с ним [11:41]. Признание человека ведомым лихим было достаточно для смертной казни: «А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертноу казнью...» [2:55].

Введение такого понятия как ведомый лихой человек, являлось важным новшеством Московской Руси. Им обозначалось лицо, пользовавшееся среди местных жителей репутацией явного злоумышленника, закоренелого, профессионального преступника, уже неоднократно проявлявшего свои криминальные наклонности. Объединяясь в банды, ведомые лихие люди, систематически совершали корыстные и насильственные преступления, и тем самым представляли повышенную угрозу для общества [1:12-13].

Понятие ведомого лихого человека упоминается и в грамотах того времени. Так, например, в грамоте Василия Иоанновича в Белозерские волости говорится о просьбе старцев Ниловой Сорской пустыни о защите великим князем Василием Иоанновичем и его велением «... беречи отъ татей и отъ разбойников: ... от лихих людей, отъ татей и отъ разбойников, накрепко, чтобы имъ не было обиды ни от какого человека» [12:127].

Лихие люди в XV веке представлялись как антагонисты всего государственного уклада, существующие вне общества, вне православной правды, которые не могут быть совместимы с русской жизнью и являющиеся ненавистниками добру [13:45-48]. Право господствующего класса расправляться с опасными для него представителями феодально-зависимого населения закреплялось ст.9 Судебника, перечислявшей ответственность за наиболее тяжкие преступления [6:41].

«Лихим людям» в Судебнике 1497 противопоставляются «лучшие люди», которые определялись по своему положению в местном обществе. Можно встретить их определение в памятнике права, литературе и как «добрых людей» [6:38].

К ним относятся наиболее зажиточные, благонамеренные представители господствующего класса или черного крестьянства, зарекомендовавшие себя рачительными хозяевами или особо ревностно проявляющих себя на службе. Именно данной группе лиц представлялась возможность «обликовать», то есть признать «ведомым лихим человеком» любого, и виновность оговоренного «добрым человеком» доказывать не приходится. Человек, признанный добрыми людьми «ведомым лихим человеком», подлежал при обвинении его в совершении лихого дела смертной казни, а в остальных случаях был обязан удовлетворить требования истца вне зависимости от того, совершил он преступление или нет [6:38].

Указанное обстоятельство объясняется тем, что указанная категория лиц представляла исключительную социальную опасность, законодатель был убежден, что всем своим поведением они фактически доказали свою неисправимость и предпринимал крайне жесткие меры для защиты населения от указанных лиц, которые заключались в искоренении ведомых лихих людей путем их истребления. В связи с этим, если выяснялось, что преступление совершено ведомым лихим человеком, то единственным наказанием, которое должно к нему применяться, являлась смертная казнь.

В подтверждение этому служат не только статьи Судебника 1497, но и уставные грамоты [14].

О «лучших людях» упоминают также и грамоты наместничьего управления. Так, Белозерская уставная грамота в статье 19, определяющей порядок судопроизводства отмечает: «А наместником нашим и их тиуном без сотцкого и без добрых людей и не судити суд» [15:195].

Возможно предположить что категория «лихое дело» относилась только к преступлениям, то есть к деяниям, наивысшей степени общественной опасности и вредности. Однако, вероятно, гражданско-правовые деликты не охватывались указанным понятием, поскольку не представляли собой деяний, причинявших вред непосредственно господствующему классу, что было основной характеристикой категории «лихое дело».

Впервые термины «преступление» и «вина» появляются в юридических текстах в конце XVI в. Однако критерием, которым определялся уголовно-правовой характер деяния, была не столько «злая воля» преступника, сколько степень нарушения общественного интереса.

Понятие преступления получает свое дальнейшее развитие в Судебнике 1550 года, в царских указах и боярских приговорах и, особенно, в Соборном Уложении 1649 года.

Судебник 1550 сохраняет термин, установленный Судебником 1497 года для обозначения правонарушения «лихое дело» и для обозначения правонарушителя «ведомый лихой человек» [2:106-108], хотя они практически не упоминаются Судебником 1550 года.

Следует отметить, что Судебником устанавливается еще одна категория «обидное дело», суть которой также может быть сведена к совершению противоправных деяний. В статье 23 Судебника 1550 года упоминается: «А которые люди иногородцы учнут бити челом на наместников или на волостелей о обидных делех, как те наместники или волостели, едучи на жалованье, и на жалованье жывучи, или едучи з жалования, кого чем изобидят, и тем людем иногородцом приставов на наместников и по волостелей и по их людей и до съезду з жалованья давати, а велети тем наместником и волостелем присылати в свое место к ответу людей своих. А которые иногородцы не учнут о тех своих обидных делех бити челом на наместников и на волостелей и на их людей до году, и тем людем тогда приставов и суда на наместников и на волостелей и на их людей не давати» [2:101].

Обидные дела понимались как разного рода насилия и несправедливости по отношению к иногородцам. Несправедливость по отношению к иногородцам может и не означать совершения какого-либо противоправного деяния, поскольку в этом деянии может и не быть состава правонарушения, это может быть деяние нарушающие моральные, нравственные устои. Насилие же представляло собой деяние, в котором отрицать наличие состава правонарушения не представляется возможным. Разумеется, указанное деяние не подменяло понятие преступления по Судебнику 1550 – «лихое дело», и, более того, по отношению к собственным гражданам такого термина как «обидные дела» не употреблялось. Никаких мер ответственности по отношению к должностным лицам не устанавливалось, а только определялся срок, в течение которого существовала возможность привлечения их к ответственности.

Соборное Уложение 1649 года как бы подвело итог развитию русского уголовного права в XVI-XVII вв. Законодательство данного периода считает преступлениями деяния, опасные для феодального общества, именуя их «лихим делом», хотя общего термина для обозначения преступления пока еще не существует.

В период Уложения 1649 года понятие преступления существенно изменяется и под преступлением признается не только какое-либо посягательство на феодальный правопорядок, но и вообще всякое нарушение указа царя. На первом месте стоит уже не причинение вреда, а нарушение царской воли, установленного правопорядка и посягательство на устои существующего государственного и

общественного строя, на огражденные законом права частных лиц. Таким образом, противоправность как важнейший элемент понятия уголовно наказуемого деяния достаточно четко законом не определена, что давало возможность произвольно, по усмотрению судебно-административных органов устанавливать рамки уголовной ответственности.

В качестве термина, обозначающего преступление, как и в судебниках фигурировало лихое дело, но можно отметить и появление еще одного термина, который вероятно, также обозначал противоправное деяние, а именно «какое дурно», что было предусмотрено в нормах Соборного Уложения, регламентировавшего, например, вопросы перемещения через границу государства. Кроме того, в статье 183 главы X Соборного Уложения 1649 года продолжает использоваться и термин «обида»: «А будет от кого учинится какая обида человеком трем, или четырем, или скольким нибудь в вопче, и ис тех обиженных людей похочет кто обиды своей искати...» [2:132]. Не вызывает сомнения что речь шла именно о совершении правонарушения, поскольку в следующей норме предусматривалась возможность примирения сторон до суда, что свидетельствовало о том, что было совершено противоправное деяние, поскольку в противном случае истцу не было бы необходимости обращаться в суд или же в отношении виновного выносилось решение суда: «... и тот обиженной в обиде своей приставит к ним ко всем вопче, и из них один узнав свою вину с ысцом помирится до суда, а досталные до суда не помирятся, и исцу на тех досталных дати суд, и по суду учинити им указ, до чего доведется...» [2:132].

Иногда преступление появляется в нормах Соборного Уложения под термином воровство, а преступник обозначается как вор, что не всегда связано совершением преступлений против собственности: «...а сыщется про то его воровство допряма, и на таких ворах за такое поклепное дело взяти...». Несколько позже термины «воровство» и «вор» будут обозначать узкую группу преступлений против собственности и терминологически определять лицо, его совершившее.

Соборное Уложение 1649 года четко отличает преступление от гражданского правонарушения, хотя и не содержит его общего определения понятия в законе.

В отличие от предшествующего законодательства Соборное Уложение 1649 года не только предусматривает конкретные составы преступлений, но и упоминает о выражении угроз в совершении преступления: «А будет кто ... учнет похвалитца на кого смертным убивством...».

Об угрозах в совершении преступления упоминает также и статья 202 главы X Соборного Уложения 1649 года: «А будет кто похвалится на кого каким лихим делом, что он хочет дом его, или гумно с хлебом жечь, или иной какой убыток учинити...» [2:101]. Меры, применяемые к потенциальному правонарушителю различны. Так, в первом случае в отношении виновного составляется опасная грамота, во втором – он подлежит передаче на поруки, а в отсутствие поручителей заключению в тюрьму. В указанной норме предусмотрено возложение ответственности за убытки, понесенные стороной, в отношении которой высказывались угрозы, на лицо, эти угрозы высказывавшее. Причем даже если его вина не подтверждалась, никакого возмещения вреда не следовало, ранее имел место факт угроз.

Итак, в период с XV – XVII века происходит существенное изменение понятия преступления. Под преступлением судебники понимают не только нанесение материального или морального ущерба, «обиду». На первый план выдвигается защита существующего социального и правового порядка. Преступление – это, прежде всего, нарушение установленных норм, предписаний, а также воли государя, которая неразрывно связывалась с интересами государства. Соборное Уложение 1649 года считает преступлениями деяния, опасные для феодального общества и ими признаются не только посягательства на феодальный правопорядок, но и всякое нарушение указа царя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рожнов А.А.* Уголовное право Московского Государства (XIV-XVII вв.). – Ульяновск, 2007.
2. Судебник 1497 года // Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. – М., 1985.
3. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Хрестоматия по истории русского права. – Киев, 1887. Вып. II.
4. Послания Митрополита Ионы новгородскому архиепископу и новгородцам о прекращении междоусобиц 1448-1458 гг. // Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 1. № 44.
5. Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. – М., 1985.
6. *Штамм С.И.* Судебник 1497 года. – М., 1955.
7. Грамота Великого князя Василия Васильевича во Владимир о том, чтобы в митрополитские села, на пиры и братчины, никому незваным не ездить и ночлегов не иметь // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою Экспедициею Императорской академии наук. 1836. Т. 1: 1294-1598. № 50.
8. *Колычева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV – XVI в.). – М., 1971.
9. Духовная грамота Великого Князя Семена Ивановича: о бытии, по смерти его, всему движимому и недвижимому собственному и купленному имению за княгинею его Марьею Александровной от 1353 года // СГГД, т. I, № 24.
10. Памятники русского права. Вып. 3. – М., 1955.

11. *Бабицкий Б.Е.* Общественно-политический строй и право в период образования русского централизованного государства (XIV-XV вв.). – Минск, 1957.
12. Грамота Великого князя Василия Иоанновича в Белозерские волости, Своару и Гнену, об обережении от татей и разбойников Ниловой Сорской пустыни, и о высылке из оной безчинных старцев// Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою Экспедициею Императорской академии наук. 1836. Т. 1: 1294-1598. № 157.
13. *Рогов В.А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV-XVII вв. – М., 1995.
14. Уставная грамота бобровникам Каменного стана от 29 июля 1509 г. // *Загоскин Н.П.* Уставные грамоты XIV-XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления. – Казань 1876. Вып. 2. LXIX, 5.
15. Белозерская уставная грамота // Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. – М., 1985.

EVOLUTION OF CONCEPT OF THE OFFENCE DURING THE PERIOD WITH XV – XVII CENTURIES

© 2011

Fedorova A.N., candidate of Law science, senior lecturer
associate professor of department «Theory of the state and right».
Toglyatti state university, Toglyatti (Russia)

Key words: Crime; dashing business; the Code of laws of 1497; the Code of laws of 1550; Cathedral Ulozhenie of 1649.